

Пророчества Авеля

О будущем России

Сборник

**Пророчества Авеля.
О будущем России**

«Торговый Дом Ленинград»

2014

Сборник

Пророчества Авеля. О будущем России / Сборник — «Торговый Дом Ленинград», 2014

ISBN 978-5-906725-27-1

День смерти российской императрицы Екатерины II был назван с удивительной точностью за год до ее кончины. Дата гибели Павла I точно была указана еще за четыре года до цареубийства. Сожжение Москвы во время наполеоновского нашествия было напророчено с точным указанием времени еще за десять лет до этого события. Заговор декабристов предречен был за восемь лет до их восстания на Сенатской площади. Имена всех русских царей в их очередности правления вслед за Павлом I; трагическая кончина последнего царя, а вместе с ней конец царствования дома Романовых и вообще российского самодержавия; и даже Первая мировая война с участием в военных действиях танков и самолетов были предсказаны уже в самые первые годы XIX века. У всех этих предсказаний – один и тот же автор, монах Авель, в миру крестьянин Василий Васильев. Кто он? Русский Нострадамус? Новый пророк? Юродивый? Трудно ответить. Он прожил очень нелегкую жизнь, много путешествовал, жил в пустыне, высшее знание и способность видеть будущее чрезвычайно ярко. Предсказывал будущее, встречался с монархами, имея с ними длительные разговоры. В жизни повидал больше горя, чем радости. Но жил в Боге и с Богом, который и помог ему все претерпеть...

ISBN 978-5-906725-27-1

© Сборник, 2014
© Торговый Дом Ленинград, 2014

Содержание

Вещий Амель – жизнеописание и пророчества	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пророчества Авеля. О будущем России

*Авель – монах-предсказатель, родился в 1757 году. Происхождения крестьянского. За свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию императора Николая I Авель был заточен в Спасо-Ефимьевский монастырь, где и умер в 1841 году.
Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, том I*

Вещий Авель – жизнеописание и пророчества

Этого удивительного человека еще при жизни прозвали современники «Вещим Авелем», а потомки – «Русским Нострадамусом». Родился он в деревне Акулово 18 марта 1757 года. Умер в страшном Спасо-Ефимьевском монастыре, что в городе Суздале. А был тот монастырь скорее не духовной обителью, а настоящей церковной тюрьмой для инакомыслящих, не в рамках догм тех лет, граждан Российской империи духовного сословия. В миру звали его Василием Васильевым. Потом при монашеском первом постриге получил он имя инока Адама. А при втором постриге – инока Авеля, под которым он и вошел в русскую историю.

Почему же запомнила его столь беспамятная и вольнопамятная русская история? Да потому, что предсказал он вещи удивительные, да с такой точностью, что невольно возникал вопрос: откуда, кроме как слыша голоса свыше, мог знать он заранее подобные вещи?

В Библии четко сказано, как различить пророка истинного от пророка ложного: если сказал и исполнилось – то это пророк истинный, видящий будущее и провозглашающий волю Небес. А если сказал и не исполнилось – не истинным будет тот пророк.

Во Второзаконии читаем: «Пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелею ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти. И если скажешь в сердце твоём: “как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?”. Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, – не бойся его». (Втор. 18, 20–22).

Все, что говорил и предвещал Авель, исполнилось с удивительной, почти дотошномелочной точностью.

И еще, когда читаешь его жизнеописание, вновь возникает странное ощущение, отсылающее читателя к Библии. Жизнь пророков во все времена была нелегка. Народ их боялся, даже избегал. Да и сами пророки не стремились к исполнению своей пророческой миссии и всячески старались отказаться от навязанной им свыше участи. Они прекрасно понимали, что предвещать должны гибель и разрушение не по собственной воле. Они – орудие в руках Бога. А никто из людей не рад услышать вести о грядущих бедах и катастрофах. И всегда претерпевали пророки многие наказания от людей в этом мире. Не избежал их и Авель Вещий, большую часть жизни своей просидевший по острогам. Но поражает и другое: он безусловно знал, что ожидает его в будущем наказание. И при этом с поистине маниакальной настойчивости шел к своей гибели, которой грозила любая встреча с представителями русской императорской семьи. Сам на допросах он говорил, что не может пойти против своей совести и повеления высшего Гласа. И этот неукротимый порыв толкал его в объятия страшной судьбы. Памятуя о том, что до царского дворца его вряд ли допустят, он исхитрился сделать так, чтобы все чиновники, как то светские, так и церковные, при любом общении с ними заподозрили в нем смутьяна и передали бы дальше по инстанциям для дальнейшего расследования его политического дела. И те передавали монаха и его сочинения все дальше и дальше, так что из самого дна жизни

русской глубинки доходила информация о нем до царских ушей. И проделал он это не один раз, а трижды. Прямо-таки какой-то извращенный план. Так много терпеть и страдать, чтобы лишь передать информацию имперского уровня о грядущих их бедах. И сразу же после этого на долгие годы погрузиться в беды собственные в тюремных казематах, в оковах и на цепи...

Личность инока Авеля до сих пор остается одной из самых загадочных и необычных фигур в русской истории XVIII–XIX веков. Кто он – один из юродивых, которых так любит русский народ? Или пророк, видящий будущее с удивительной точностью? Его имя не так важно в истории церковной, сколько удивительно связано с трагической судьбой дома Романовых, будущее которых довелось ему узнать заранее, еще в XVIII веке. Уже тогда ведомы ему были имена всех русских царей в их очередности правления. Тогда, из своего далёка, видел он конец самодержавия и царствования дома Романовых. И царственные особы, хоть и сажали его потом за слова его в казематы и узилища, но словам верили. А как иначе можно объяснить, как простой монах крестьянского происхождения имел личные встречи с тремя императорами без свидетелей...

Императорам он пророчествовал столь необычно зловеще, что слова его заканчивались для него заключением... И страшной славой... ибо каждый последующий правитель знал о нем, освобождал и призывал его к себе. И так трижды. И вновь повторялась история: короткий путь страдальца из царского дворца до тюремной или монастырской камеры.

Эти свидетельства сохранились в архивах дома Романовых...

Но не только судьбу царственных особ видел и предрекал инок АVELЬ. О будущем России предрекал. Видел он и Первую мировую войну, и революцию, и нового Батыя – Гитлера с его несметными полчищами.

Какие же слова и знания не давали ему спокойно жить в монастырской келье? Что он так хотел рассказать царственным особам?

Приведем ниже короткий список основных предсказаний «русского Нострадамуса».

Предсказания императрице *Екатерине II*: «...царствовать будет 40 лет». Более того, инок АVELЬ с удивительной точностью за три года до ее кончины назвал точную дату ее смерти. А также свидетельствовал о страшной судьбе ее покойного мужа – императора Петра III. Конечно же какие-то слухи в народе ходили об этой таинственной смерти. Но никто точно ничего не знал, а АVELЬ не только знал, но и подробно описал это событие в первой из своих тетрадей. В этой же тетради писал он и о монаршем семейном разладе: о трудных отношениях Екатерины и ее будущего преемника Павла I.

Предсказания императору *Павлу I*: С этим российским императором АVELЬ встречался лично и так говорил: «*коротко будет царствие твоё, и вижу я лютый конец твой...от неверных слуг мучительскую кончину примешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей*». Точную дату гибели императора Павла I инок АVELЬ назвал еще за четыре года до цареубийства.

Предсказания о царствовании императора *Александра I*: «*Француз Москву при нём спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невозможу станет ему скорбь тайная, и тяжек ему покажется венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы...*» Судьба Москвы во время Отечественной войны с Наполеоном 1812 года была напророчена с точным указанием даты за десять лет до самого трагического этого события.

Предсказания о царствовании императора *Николая I*: «*Начало правления Николая дракой, бунтом вольтерьянским начнется...*» Так рек инок АVELЬ о заговоре декабристов и о будущем восстании на Сенатской площади за восемь лет до исторических событий.

Предсказания о царствовании императора *Александра II*: «*Царём-Освободителем предначерченный... крепостным он свободу даст, а после турок побьёт и славян тоже освободит*

от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, “охоту” на него начнут, убьют среди дня ясного в столице».

Предсказания о царствовании императора *Александра III*: *«Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только не долго царствование будет».*

Предсказания о царствовании императора *Николая II*: *«Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную... На венец терновый сменит он корону царскую... Война будет... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Брат на брата восстанет... власть безбожная будет бичевать землю русскую...»*

О последствиях *Октябрьской революции*: *«...будет жид скорпионом бичевать землю русскую, грабить святыни её, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских».*

О *Великой Отечественной войне*: *«...новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного царя».*

Помимо пророчеств оставил Вещий АVELЬ после себя еще одну «зело престранную» книгу – собственную автобиографию. А странность в том, что назвал он ее «Житие и страдание отца и монаха Авеля». Словом «Житие» принято на Руси описывать жизнеописание святых. И писались они после смерти. А тут вдруг автор, простой черноризец жизнь свою «житием» назвал... Экая дерзость, кажется...

А может быть, и нет!..

До него лишь один человек на Руси дерзнул назвать описание собственной жизни таким словом. И жил он незадолго до монаха Авеля, и было ему имя протопоп Аввакум, мятежник и безумец в Духе. Взбунтовался он против реформ церковных, наперекор всему пошел, жизнью за этот подвиг расплатился...

Может, и не случайно такое совпадение. Не дерзость руководила ими в выборе названия для собственных сочинений, а уверенность в своем предназначении, готовность пройти тернистый путь собственной жизни до самого ужасного ее конца, ибо так СВЫШЕ ИМ БЫЛО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО. И свято они в это верили. И готовы ради этой высшей силы претерпеть многое и самое ужасное.

* * *

Родился он в дереве Акулово Алексенской округи Тульской губернии в 1757 году. При рождении был наречен Василием. Родители будущего пророка занимались крестьянским трудом. Крепостными были у князя Д. Л. Нарышкина. Как сам он писал в своем «Житии»: «... В семье хлебопашца и коновала Василия и жены его Ксении родился сын – Василий, один из девятерых детей».

Но по проторенной родительской дороге Василий идти не хотел. Неугомонного сына тянуло к странствиям и к Божьим тайнам. Уже с 10 лет стал он задумываться о том, чтобы покинуть отчий дом, так как «больше у него было внимания о божестве и о божественной судьбе», а не о благах мирских. Не захотел Василий пойти по стопам отца, а все более и более склонялся в душе своей к таинственным «мудрованиям».

По воле отца своего оженити Василия в 17 лет на девице Анастасии. Со временем родилось у него и трое сыновей. Но так как оженити его «против воли», то «для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам».

Тогда же семнадцатилетний Василий обучился грамоте, засел за книжки; но для пропитания освоил и плотническое мастерство.

Через два года бросил Василий свою семью и свою деревню и отправился странствовать в «южные и западный, а потом в восточный страны», и бродил он так по Руси целых девять лет, исходив ее вдоль и поперек.

Дошел он и до города Херсона, где применял свое плотническое искусство «при строении кораблей». Тогда же и застигла его тяжелая болезнь. Во время болезни АVELЬ горячо молился и в молитве поклялся в том, что «ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там еще год». Тогда же, по-видимому, и проснулась в нем тяга к монастырской уединенной жизни. Сам себя в те годы он описывает так: «человек был простой, без всякого научения, и видом угрюмый».

По возвращении в родную деревню стал он просить у своего отца и матери разрешения уйти в монастырь. Родители воспротивились – как же отпустить кормильца? Да ведь и семья, и дети... Кто ж о них-то позаботится? Так и не дали они своего благословения сыну...

Однако Василия это не остановило. Тайно покинул он родную деревню и всех сродников своих. Пешком, кормясь подаением, добрался он до престольного города Санкт-Петербурга. Там чудом пробился на прием к действительному камергеру Льву Нарышкину, служившему при дворе самого государя оберштаммейстером. Нарышкин был его барин, а Василий его крепостным. Уж какими же словами выпросил простой крестьянин себе вольную у своего господина, мы не знаем, однако свободу он все-таки получил.

И тогда ушел он от них тайно в Валаамский монастырь, где и принял постриг с именем Адама, а из него в Валаамскую пустынь. Случилось это по осени 1785 года, когда Василий появился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре. Тогда же и попросил он настоятеля позволить ему пожить в стенах монастыря. Игумен Назарий принял странника приветливо, выделил ему келью. Но не долго прожил в ней Василий. Через год потянуло его к одиночеству и тогда испросил он у игумена разрешения, чтобы отправиться в «пустынь», в «место уединенное». Там поселился он отшельником в скиту с одной лишь целью, как сам свидетельствовал позже: чтобы принять «попустительство искусов великих и превеликих».

Там, в одиночестве, и переживает АVELЬ свой первый мистический опыт, когда какой-то мощный порыв, идущий из самой его глубины, толкает его на совершение странных поступков и действий; когда все его существо как бы поднимается над этим миром и видит другими глазами прошлое и будущее. Состояния такого молитвенного экстаза были достаточно длительными. Подчас целые сутки испытывал АVELЬ мистический транс. В своем житии монах описал свой опыт достаточно подробно, но безжалостная цензура вымарала эти страницы из текста. Поэтому представить точно, какие беспокойные мысли тревожили его разум, какие душевные борения он испытывал, через какие испытания прошел, читателю, конечно, очень трудно. Лишь намек на них сохранился в чудом уцелевшем тексте: смутное упоминание о бесовских искушениях инока-отшельника в Валаамском скиту, где «множество темных духов нападаше на нъ». И утверждает там же АVELЬ, что преодолел он все соблазны и все, посланное ему. И тогда же случилось с ним божественное чудо, которое окончательно определило его судьбу: «сказа ему безвестная и тайная Господь» о том, что будет впредь всему миру. Тогда будто бы взяли АVELЯ два неких светлых духа и сказали ему: «Буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи и напиши. И прочая таковая многая к нему глаголаша».

А в ночь на 1 ноября 1787 года («...в лето от Адама 7295») было ему еще одно «дивное видение и предивное», длившееся «не меньше тридесяти часов». Тогда молвил ему Господь о тайнах будущего: «Господь же... рече к нему, сказывая ему тайная и безвестная, и что будет ему и что будет всему миру». «И от того время отец АVELЬ стал вся познавать и вся разуметь и пророчествовать».

Тогда же, после глубокого душевного потрясения, и проявился у Авеля пророческий дар. Всю оставшуюся жизнь прожил монах в окружении странных голосов и необъяснимых явлений, ставших его постоянными спутниками. Странные голоса передавали ему необычные вести, а он, воли своей не имея, уже, пророчествовал, не задумываясь о собственной дальнейшей участи.

В марте 1796 года на допросе в Тайной экспедиции спросили его, когда же впервые услышал он «глас»?

На что ответил АVELЬ: когда был он в пустыни Валаамской и «во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне всю правду, еже аз тебе заповедаю...» И услышал монах слова эти по собственному утверждению в марте 1778 года.

Рассказал он следующее. Будто вознесли его на небо и показали две книги, а он лишь в подробностях пересказал их потом в своих писаниях. Тогда же и стал он слышать «глас» указующий, который повелевал ему сделать или сказать что-то. И стал исполнять АVELЬ все приказания «гласа» всю свою жизнь, несмотря на горести и беды, которые не замедлили себя ждать, и о которых пророк неминуемо знал. Но противиться судьбе своей и «гласу» указующему он попросту не мог.

Как библейский пророк, он слышал голоса и видел картины будущего. Это подтверждает и сам пророк, ссылаясь на библейских персонажей, подобно которым был он «вознесен», и слышал, и видел будущее. И все время тяготела над ним внешняя воля...

Покинул он пустынь и монастырь и пошел странником по земле православной, по российским просторам, градам и весям, обошел «многая страны и грады с проповедью Слова Божия». И так девять лет прошли в скитаниях.

По прошествии этих лет пришел он к Волге и поселился в монастыре Николая Чудотворца Бабайки Костромской епархии. Здесь и взялся он впервые за писательский труд и написал первую из своих «зело претрашных» и пророческих книг, «книгу мудрая и премудрая». В ней и изложил свое видение и сообщил, в каком месяце, в какой день и час и какой смертью умрет царица. А до смерти царицы Екатерины Великой было еще тому три года.

Книги его страшные, к сожалению, до наших дней не дошли, а бесследно исчезли еще в XIX веке.

А в житии его есть такие слова: «И написал он в той обители книгу мудрую и премудрую, в ней же написано о царской фамилии».

И с этой книги начал он свой тернистый путь «вещего инока», Авеля Вещего.

Об этом периоде жизни монаха свидетельствует и генерал Алексей Петрович Ермолов, участник Отечественной войны 1812 года, находившийся в то время в Костроме. В своих воспоминаниях он пишет: «В то время проживал в Костроме некто АVELЬ, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, АVELЬ предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычной верностью».

Далее АVELЬ совершает свой первый непредсказуемый шаг на пути к собственной гибели. Зимой 1796 года он показал написанное монаху Аркадию, а тот немедленно рассказал об этой «крамоле» настоятелю монастыря. Настоятель затребовал книгу к себе. А прочитав «удивительное и преудивительное» сочинение чернеца Авеля, премного испугался, и чтобы снять с себя всякую ответственность, сейчас же отправил книгу и ее сочинителя под конвоем в Кострому, в духовную консисторию. А оттуда его отослали к правящему епархиальному архиерею, костромскому епископу Павлу, поскольку справедливо рассудил настоятель, что у того «сан поболее и лоб повыше, пускай разбирается».

Книгу епископ Павел прочитал и премного озадачился, почуяв явную ересь. Призвал епископ монаха на допрос. Поначалу было посоветовал епископ новоявленному провидцу

забыть о написанном и возвращаться в монастырь – грехи замаливать. Но стал допытываться, кто ж надоумил его на такое святотатство, как книга его еретическая. Упорствовал Амель, на своем стоял и говорил, что книгу свою писал сам, не списывал, а сочинял из видения; «ибо, будучи в Валааме, пришел к заутрени в церковь, равно как бы апостол Павел восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал...»

Тут епископ по-настоящему рассердился от наглости такой: простой монах, а сравнивает себя с апостолом Павлом!.. Не сдержался, ударил монаха троекратно и так закричал: «Сия твоя книга написана под смертною казнию!» Но и это не образумило упряма.

Вздыхнул епископ, сплюнул, чертыхнулся сгоряча, перекрестился, вспомнил об указе от 19 октября 1762 года, который за подобные писания предусматривал расстриг из монахов и заключение под стражу. Но тут же всплыло в голове епископа, что «темна вода во облацех», кто его знает, этого пророка.

Крамольную книгу уничтожить собственноручно епископ не решился – ведь были в ней описаны «различные царские секреты». Вдруг и впрямь ему что-то тайное ведомо, все же пророчествовал не кому-то, самой императрице...

А далее собственной волей расстриг крамольного монаха, чтобы, не дай бог, не навлечь на себя лишнюю ответственность, проблемы и хлопоты.

Епископ Костромской и Галицкий ответственности не любил, потому сплавил упрямого пророка с рук на руки губернатору: отослал книгу вместе с ее автором в губернское правление. То есть сделал так, чтобы в дальнейшем этим еретическим делом занимались не церковные, а светские власти. Так попал Амель в костромской острог. И сам губернатор, прочтя книгу, в которой содержались «царские имена и царские секреты», пожелал поговорить с бедным монахом, пытаясь выведать, откуда знает он дату смерти царицы и то, что «и смерть ей приключится скоропостижная»...

Из острога под строгим конвоем, «чтобы по дороге речами неразумными и предсказаниями бредовыми людей не смущал», отправили самозваного предсказателя в Петербург.

Тайная экспедиция в Петербурге мгновенно заинтересовалась крамольными книгами и самим «предсказателем». Суть дела доложили графу Самойлову, генерал-прокурору. Насколько важной была вся информация, касавшаяся коронованных особ, следует из того, что граф сам прибыл в Тайную экспедицию, долго беседовал с провидцем, порешил было, что перед ним юродивый. Беседовал с Авелем на «на высоких тонах», ударил по лицу, кричал на него: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова на земного бога? Кто научил тебя такие секреты писать и зачем ты стал такую книгу составлять?» А Амель все одно отвечивал: «Меня научил эту книгу писать Господь Бог, Тот, Кто сотворил Небо и Землю, и вся иже в них. Тот же повелел мне и все секреты оставлять!»

Начались допросы, подробно записанные. Занялся делом строптивного монаха следователь Александр Макаров. И в разговоре с ним Амель от своих слов не отказывался. Наоборот, утверждал, что «мучился совестью девять лет, с 1787 года, со дня видения». И что желал и боялся «об оном гласе сказать Ея Величеству». И вот в Бабаевском монастыре все же не выдержал и записал свои видения.

В любом ином случае попросту сгноили бы безумца и крамольника в тюремных подвалах. Да не решились следователи – ведь о царской фамилии, о самой государыне императрице, он в книгах своих писал.

Как уже говорилось, допрашивал Авеля преемник шефа Тайной экспедиции, знаменитого Шешковского, Александр Макаров. Тексты допросов уцелели.

Вопрос: Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ: Крещен в веру греческого исповедания, которую содера повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям; женат, детей трое сыновей; женат против воли и для того в своем селении жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос: Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним – пособие?

Ответ: Когда было еще 10 лет от роду; то и начал мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу; а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада и вся имени Моего рода, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном». Внемля сему; вячше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил жениться; а по прошествии несколько тому времени начал обучаться российской грамоте, а потом учился и плотничной работе.

Вопрос: Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ: Когда был в пустыне Валаамской, во едино время был из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы изречено тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. Первое скажи ей, егда воцарится сын ее Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его земля турецкая, а сам султан дань станет платить. И еще рцы северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов.

Вопрос: Для чего внес в книгу свою такие слова, которые касаются Ея Величества и именно, акиби на ню сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ: На сие отвечаю, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертной казнию, что я восстание в книге своей разумея словом и мыслию; признаюся чистосердечно, что сам сии слова написал потому что он, то есть сын, есть человек подобоострастен, как и мы...

В своем отчете следователь Макаров записал, что, по словам Авеля, пророческое видение явилось ему впервые 18 лет назад, в марте 1778 года. По утверждению монаха, однажды утром, затемно, Амель «был вознесен на небо», где ему открылись две большие книги, содержание которых он впоследствии в своих писаниях лишь пересказывал, «сочинял из видения». С этого же времени стал он слышать некий «глас» указующий, который повелевал ему сделать или сказать тому-то то-то или поступить так-то.

Тогда же было дано ему видение, что «ожидаемый мессия уже объявился на земле, а именно в русском городе Орле под именем Федора Крюкова».

Получив такую информацию, Амель поехал в Орел на поиски этого человека. И нашел там торговца Федора Крюкова, с которым долго беседовал и договорился о новой с ним встрече в городе Киеве. Встрече же этой состояться было не суждено, поскольку к этому времени Авеля арестовали. Однако именно из-за этого разговора отправился Амель в паломнический путь в Константинополь через Орел, Сумы, Полтаву и Херсон.

Следователь Макаров задавал еще много других вопросов по поводу императрицы и цесаревича Павла. Церковные и религиозные дела волновали его мало. А потому и удивился сильно, когда на свой вопрос вдруг получил ответный от Авеля: «Есть ли Бог и есть ли Дьявол, и признаются ли они Макаровым?»

За этим материалы следствия легли на стол обер-прокурору правительствующего Сената, и генерал Самойлов доложил о монахе Авеле лично императрице. Та, в свою очередь, поинтересовалась, «кто же такой Амель есть и откуда?».

Магушка государыня Екатерина Великая была женщиной конкретной и трезвомыслящей, мистики чуралась и не любила. Сама пьесы писала для театра, чтобы публично высмеять «волшебника» графа Калиостро или мудреные обряды русских масонов.

Но на пророка зловещего, осмелившегося писать о ее жизни и смерти, решила взглянуть.

Привели Авеля пред светлые очи государыни. И ей сказал он точную дату ее смерти, немало ее расстроив.

Поначалу она «за сие дерзновение и буйственность» хотела казнить монаха по закону. Но потом смягчилась, решила проявить великодушие и подписала указ от 17 марта 1796 года: «Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти по государственным законам заслуживает смертную казнь; но Ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурору, хранить в Тайной экспедиции».

9 марта 1796 года Авеля привезли в Шлиссельбургскую крепость. Разместили его в камере под номером 22, где и предстояло узнику коротать свое пожизненное заключение.

И провел в ней Авель десять месяцев и десять дней в строжайшей изоляции... Там же и узнал он новость, давно ему ведомую...

А 5 ноября того же года императрицу нашли без чувств на полу покоя. Ее поразили удар. А на следующий день, 6 ноября 1796 года, государыня тихо отошла в мир иной. Все случилось в точности, как написал инок за три года до реальных событий...

В тот же день на трон Российской империи взошел сын Екатерины – император Павел I.

В наследство ему досталась не только власть над бескрайними просторами Русской империи, но и огромное количество незавершенных дел, проектов и множество бумаг. Первым делом внимание нового императора привлекли секретные документы императорского кабинета.

Дни главы Сената генерала Самойлова были сочтены. На его место был назначен князь Александр Борисович Куракин, опытный царедворец. Разбирая секретные бумаги, натолкнулся он на пакет, запечатанный личной печатью генерал-прокурора графа Самойлова. Вскрыв этот пакет, Куракин обнаружил в нем ужасным почерком записанные предсказания, от которых он просто похолодел. Ведь роковое предсказание о смерти императрицы уже сбылось! Тогда и порешил князь Куракин передать императору записки сидевшего в каземате пророка.

Павел же, по прочтении их, повелел немедленно отыскать «столь зрячего провидца», монаха Авеля. Нашли его в Шлиссельбургской крепости. Князь А. Б. Куракин объявил коменданту Шлиссельбургской крепости Колюбякину прислать в Петербург арестанта Васильева. Доставили немедленно того под конвоем пред светлые очи нового императора. И случилось это 12 декабря 1796 года...

Состоялась длительная приватная аудиенция в личных апартаментах без свидетелей.

Многие исследователи и современники событий утверждают, что именно тогда Авель прямо в глаза императору назвал дату смерти самого Павла и на двести лет вперед предсказал судьбу российской монархии. Говорят также, что именно тогда и появилось знаменитое завещание Павла I. В некоторых статьях его предсказание звучит следующим образом: «Коротко будет царствование твое. На Софрония Иерусалимского – святой день памяти совпадает с днем смерти императора. В опочивальне своей будешь задушен злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. Сказано бо в Евангелии: “Враги человеку домашние его”. Может быть,

в этом слове содержится намек на участие в заговоре сына Павла Петровича – Александра, будущего императора.

Если это так, то какие чувства овладели императором в момент встречи, мы можем только догадываться. Ведь узнать свое будущее хочет любой человек. Но в то же время наравне с любопытством в душе зарождается еще и страх этого знания. Одно нам известно наверняка, Павел верил словам странного монаха. И попросил он Авеля благословить свое царствование. Далее, как свидетельствуют документы, он расспросил Авеля о том, чего бы тот хотел в жизни, на что тот ответил: «Ваше величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, еще и служить Богу».

И далее не утерпел монарх и спросил о собственном будущем. Что ответил на этот вопрос Амель – достоверно неизвестно, Житие об этом умалчивает.

Однако заметим, что император Павел I еще с детских лет по натуре своей был мистичен, имел исключительное воображение, верил в сны и предсказания. Пророков почитал, хоть и побаивался. Но в то же время и верил им безоговорочно.

Есть и другие мнения, утверждавшие, что вряд ли Амель именно во время этой аудиенции предсказал Павлу его гибель, потому как император проявил к нему искренний интерес, обласкал, выказал свое расположение и даже издал 14 декабря 1796 года высочайший рескрипт, повелевавший расстригу Авеля по его желанию постричь в монахи.

После того разговора император повелел князю Куракину поселить Авеля в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре, дать ему келью и обеспечить всем, что потребуется для нормальной монастырской жизни. Повеление это было незамедлительно исполнено. В этом монастыре Амель вторично принял постриг. И, собственно говоря, это его второе имя «Амель» и запечатлела история. При первом постриге взял себе крестьянин Василий имя Адам.

Есть свидетельство о том, что еще одна встреча произошла между императором и монахом Авелем в бытность его в петербургской Александро-Невской лавре.

Приведем интересный документ о предсказании Авеля императору Павлу, опубликованный в журнале П. И. Бартенева «Русский архив». В его публикациях за номерами 1–4 за 1872 год размещены «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского», действительного статского советника, который в 1802 году занимал пост секретаря министра иностранных дел. Он, в частности, пишет: «Приходит мне на память... еще молва об арестанте Авеле, который содержался когда-то в Шлиссельбурге за какие-то пророчества. Захотели (император Павел) говорить с ним; спрашивали его о многом, из любопытства и о себе. При рассказе об этом разговоре Анне Петровне Лопухиной (фаворитке императора), с трепетом она зарыдала, испуганная и расстроенная». Ни страх ли за любимого ею человека вылился в этих слезах?

Эта загадочная беседа привлекла пристальное внимание Петра Николаевича Шабельского-Борка (1893–1952) – историка, писателя и собирателя древностей, который в особенности интересовался трагической эпохой царствования Павла I. П. Н. Шабельский-Борк – русский офицер, ветеран Первой мировой войны. Он также принимал активное участие в попытке освобождения царской семьи из екатеринбургского заточения. Проживая в эмиграции, занимался историческими исследованиями, которые публиковал под псевдонимом Кирибеевич. После Первой мировой войны он жил в эмиграции в Берлине, и тогда же в его руки попали уникальные документы, ныне утерянные. В начале тридцатых годов Шабельский-Борк издал свое историческое сказание под названием «Вещий инок», посвященное пророку Авелю. Интерес историка к этому человеку был далеко не случаен. Ведь именно он с удивительной точностью предсказал историю и кончину дома Романовых. А Шабельский-Борк был очевидцем этих последних трагических событий. И сам немало от большевиков пострадал. Как честный русский офицер, он не мог не задаваться вопросом о том, что ждет Россию в будущем. Что такое большевистский переворот – следствие зловещего рока, тяготеющего над Россией, или результат трагической ошибки и внутренней слабости высшего российского общества, которые

не уберегли Родину и императорскую семью? Есть ли во всем произошедшем его внутренняя вина, вина офицера, который не исполнил до конца своего высшего долга?..

Ниже приведем некоторые фрагменты из его сочинения «Вещий инок», чтобы читатель попытался воочию представить, какой была эта судьбоносная встреча самодержца и простого монаха. А встреча эта имела далеко идущие последствия, о которых мы расскажем далее.

«В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего солнца, казалось, оживали библейские мотивы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет Кваренги блестел своими изящными линиями. Вокруг царили тишина и торжественность.

Пристальный взор императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражалась любовь, мир и отрада. Императору сразу понравился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шел широкий сказ. К его келии в Александро-Невской лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо было императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его августейшей родительницы, ныне в бозе почивающей государыни императрицы Екатерины Алексеевны. Разгневалась тогда матушка Екатерина, что Авель ей конец пророчит, и повелела приказать его в Шлиссельбургскую крепость бросить. Так и просидел он там до Павла Петровича – мол, не пророчествуй что не следует, и беды не накликай. И только, как предсказание сбылось, то, на престол взойдя, освободил его от уз Павел Петрович. Ну, вчерашнего дня, когда речь зашла о вешем Авеле сызнова, его величество повелеть соизволил завтра же представить его в Гатчинский дворец, в коем имел тогда пребывание двор.

Полетели-помчались гонцы царские. В лавре, конечно, переполох и суета поднялись. Авеля от молитвы оторвали, в лучшие одежды монашеские облачают. И несет Авеля, инока убогого, царская тройка, колокольчиками да бубенцами заливаясь, прямо в Гатчину – к самому Павлу Петровичу. Так дело было!

Ласково улыбнувшись, император Павел Петрович все милостивейше обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях спасался.

– Честный отец! – промолвил император. – О тебе говорят, да и я сам сие вижу, что на тебе явно почиет Благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о державе Российской? Назови поименно преемников моих на престоле Российском, предреки и их судьбу, как пред Истинным Богом.

– Эх, батюшка-царь! – покачал головой Авель. – Пошто себе печаль предречь меня при-
нуждаешь?

– Говори! Все говори! Ничего не утаивай! Я не боюсь, и ты не бойся такожде.

– Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей задушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. Сказано бо есть в Евангелии: “И враги человеку домашние его”. В Страстную субботу погребут тебя. Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех царубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою. Но народ русский чуткой правдивой душой своей поймет и оценит тебя, и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких над воротами твоего замка, в коем воистину обетование и о царственном роде твоём: “Дому сему подобает святыня Господня в долготу дней”.

– О сем ты прав, – волнительно признал император Павел Петрович. – Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя святого архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю Небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь.

А к словам сим Павла Петровича сказать следует пояснительно многим неизвестное.

Странное и чудное видение бысть часовому, у летнего дворца стоявшему. Во дворце том в лето Господне 1754 сентября 20, Павел Петрович родился. А когда снесен дворец был, на том месте замок Михайловский воздвигся. Предстал часовому тому внезапно, в свете славы небесной, архистратиг Михаил и от видения сего обомлел в трепет часовой, фузулея в руке заходила даже. И веление архангела было, в честь его собор тут воздвигнуть и царю Павлу сие доложить, непременно. Особое происшествие по начальству, конечно, дошло, а оно Павлу Петровичу обо всем доносит. Павел же Петрович: “Уже знаю”, – отвечает: видать-то до того ему было все ведомо, а явление часовому вроде повторения было...

– А пошто, государь, повеление архистратига Михаила не исполнил в точности? – говорит его величеству АVELЬ со смирением. – Ни царя, ни народы не могут менять волю Божию... Зрю в нем преждевременную гробницу твою, благоверный государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет... О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще – безбожном...

– Что? Святая Русь под игом безбожным? Не быть сему! – гневно нахмурился император Павел Петрович. – Пустое болтаешь, черноризец...

– А где татары, ваше величество? Где поляки? И с игом безбожным то же будет. О том не печалься, батюшка-царь: христо-убийцы понесут свое... А потом будет безбожный люд скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попушение Божие, гнев Господен за отречение России от святого царя.

Скорее всего здесь АVELЬ под словами “христоубийцы” так именуется “безбожников”.

И далее продолжается беседа.

Спросил император:

– Что ждет преемника моего, цесаревича Александра?

– Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но не вмогуту станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется венец царский. Подвиг служения царского заменит он подвигом поста и молитвы. Праведен будет в очах Божиих. Белым иноком в миру будет. Видал я над землей Русской звезду великого Угодника Божия. Горит она, разгорается. Подвижник сей и претворит всю судьбу Александрову...

– А кто наследует императору Александрову?

– Сын твой, Николай.

– Как? У Александра не будет сына? Тогда цесаревич Константин...

– Константин царствовать не восхощет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтеринским зачнется. Сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая... Лет через сто примерно после того, оскудеет дом Пресвятой Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится...

– После сына моего Николая на престоле Российском кто будет?

– Царем-Освободителем предначерченный твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст, а после турок побьет и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. А на крови храм воздвигнется...

– Тогда и начнется тобой реченное иго безбожное?

– Нет еще. Царю-Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий, миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.

– Кому передаст он наследие царское?

– Николаю Второму – святому царю, Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: Псалмы

90, 19 и 20 открыли мне всю судьбу его: Искупитель будет. Искупит собой народ свой – бескровной жертве подобно. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет он народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет трон царский. И предан будет праправнук твой, как некогда Сын Божий на распятие. Многие потомки твои убелят одежду кровию Агнца такожде. Мужик с топором возьмет в безумии власть, но и сам опосля восплачется.

Наступит воистину казнь египетская. Кровь и слезы напоят сырую землю, кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огонь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренних, власть безбожная. И там гибель, и тут, и бежать некуда. Дым пожаров и пепелища, все живое расседается. Мертвые пустыни кругом. Ни единой души человеческой, ни твари животной. Ни дерева, ни трава не растут даже... Сие есть попушение Божие, гнев Господень за отречение России от своего богопомазанника. А то ли еще будет! Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны одна горше другой будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребится, яко довлеет ему молитва умученного царя.

– Ужели сие есть кончина Державы Российской и несть не будет спасения? – спросил Павел Петрович.

– Невозможное человеком, возможно Богу, – отвечив Авель. – Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. И восстанет в изгнании из дома твоего князь великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел, и никтоже речет: “Царь здесь или там”, но: “Это Он”. Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание... Имя его трикратно суждено истории Российской. Два тезоименитых уже были на престоле, но не царском. Он же воссядет на царский, как Третий. В нем спасение и счастье Державы Российской. Пути бы иные сызнова были на русское горе...

И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены дворца, Авель нарек самое имя. Страх ради темной силы, имя сие да пребудет сокрыто во времени...

– Велика будет потом Россия, сбросив иго безбожное, – предсказал Авель далее. – Вернется к истокам древней жизни своей, ко временам равноапостольного, уму-разуму научится бедою кровавою. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и пострадает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков...

В глазах Авеля горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине. Император Павлович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие переживания.

– Ты говоришь, что иго безбожное нависнет лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо – о всем, ныне ты предрек мне о потомке моем Николае Втором, предупредить его, дабы пред ним открылась Книга Судеб. Да пройдет правнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпенья своего.

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою. Изложи все письменно. Я же на предсказание твое наложу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего. Иди и молись неустанно в келии своей о мне, роде моем и нашей Державы».

И было так...

Насколько рассказ «Вещий инок» соответствует исторической правде или это художественный вымысел, теперь с достоверностью сказать трудно.

А теперь, чтобы узнать продолжение этой истории, давайте обратимся к текстам еще одного свидетеля – к книгам православного священника, писателя и историка Сергея Александровича Нилуса.

Ниже мы приведем *фрагмент из его работы «На берегу Божьей реки»*.

«При особе ея императорского величества, государыни императрицы Александры Федоровны состояла на должности обер-камерфрау Мария Федоровна Герингер, урожденная Аделунг, внучка генерала Аделунга, воспитателя императора Александра II во время его детских и отроческих лет. По должности своей, как некогда при царицах, были “спальные боярыни”, ей была близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни, и потому представляется чрезвычайно ценным то, что мне известно из уст этой достойной женщины.

В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках на кольцах был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю.

Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Марией Федоровной, и что было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол России.

Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом, жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всяких, не исключая и царственных, взоров.

– В утро 12 марта 1901 года, – сказывала Мария Федоровна Герингер, – и государь и государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселые, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в том ларце, никому, даже мне, с которой имели привычку делиться своими впечатлениями, ничего не сказали.

После этой поездки я заметила, что при случае государь стал поминать о 1918 годе, как о роковом годе и для него лично и для династии».

Далее Сергей Нилус описывает необычное происшествие, подтверждающее рассказ Марии Федоровны Герингер.

«6 января 1903 года на Иордани у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила по окнам дворца, частью же около беседки на Иордани, где находилось духовенство, свита государя и сам государь. Спокойствие, с которым государь отнесся к происшествию, грозившему ему самому смертью, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Он, как говорится, бровью не повел и только спросил:

– Кто командовал батареей?

И когда ему назвали имя, то он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен будет подлежать командовавший офицер:

– Ах, бедный, бедный, как мне жаль его!

Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил: “До 18 года я ничего не боюсь...”

Есть аналогичное свидетельство и в работе вышеупомянутого историка Шабельского-Борка: «11 марта 1901 года, в столетнюю годовщину мученической кончины держав-

ного прапрадеда своего, блаженного памяти императора Павла Петровича, после заупокойной литургии в Петропавловском соборе у его гробницы, государь император Николай Александрович в сопровождении министра Императорского двора генерал-адъютанта барона Фредерикса и других лиц свиты изволил прибыть в Гатчинский дворец для исполнения воли своего в бозе почивающего предка.

Умилительна была панихида.

Петропавловский собор был полон молящихся. Не только сверкало здесь шитье мундиров, присутствовали не только сановные лица. Тут были во множестве и мужицкие сермяги, и простые платки, а гробница императора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы были от верующих в чудесную помощь и представительство почившего царя за потомков своих и весь народ русский. Воочию сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет чтить память царя-мученика и притекать к гробнице его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Государь император вскрыл ларец и несколько раз прочитал сказание Авеля Вещего о судьбе своей и России. Он уже знал терновую судьбу, недаром, что родился в день Иова Многострадального. Знал, как много ему придется вынести на “державных плечах, знал про близкие грядущие кровавые дни, смуту и великие потрясения Государства Российского, сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет покинут, предан и оставлен почти всеми”. Но вставала в державной памяти его другая, отрадная картина. В убогой монашеской келии пред Богосветлым старцем Саровским сидит двоюродный державный прадед его, Александр Благовословенный. Перед образами ярко горят лампы и бесчисленные свечи. Среди образов выделяется икона Божия Матери Умиления. Благодать Божия почивает на келье. Как тогда, легко и отрадно на душе благословенному царю... Тихо, как лесной ручеек, льется пророческая речь Серафима о грядущих судьбах русских:

– Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что встанут против этого царя и его самодержавия. Ангелы не успевают брать души, все восставшие погибнут.

Еще не был пока прославлен преподобный Серафим Саровский Синодом, уже велись подготовительные к тому работы, и горячее желание благочестивейшего государя было близко к осуществлению.

Настало Водосвятие 6 января 1905 года. Загремел салют с того берега. И – вдруг близко просвистела картечь, как топором срубило древко церковной хоругви над царской головой. Но крепкою рукою успевает протоиерей подхватить падающую хоругвь, и могучим голосом запел он: “Спаси, Господи, воля твоя...” Чудо Божие хранило государя для России. Оглянулся государь, ни один мускул не дрогнул на его лице, только в лучистых глазах отразилась бесконечная грусть. Быть может, вспомнились ему тогда предсказания Серафима и Авеля Вещего, вспомнился и акафист затворника Агапия, прочитанный ему, как будущему великомученику. А поодаль промелькнул на мгновение буддийский отшельник Теракуто. О том же крестном пути ему говорил в своей келии и великий подвижник старец Варнава Гефсиманский, предрекая небывалую еще славу царскому имени его».

Другой историк А. Д. Хмелевский в своей работе «Таинственное в жизни государя императора Николая II» об этом же эпизоде пишет так: «Императору Павлу Петровичу монах-прозорливец Авель сделал предсказание о судьбах Державы Российской, включительно до правнука его, каковым и является император Николай II. Это пророческое предсказание было вложено в конверт с наложением личной печати императора Павла I с его собственноручной надписью: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины». Все государи знали об этом, но никто не дерзнул нарушить воли предка. 11 марта 1901 года, когда исполнилось 100 лет согласно завещанию, император Николай II с министром двора и лицами свиты прибыл в

Гатчинский дворец и, после панихиды по императору Павлу, вскрыл пакет, откуда узнал свою тернистую судьбу. Об этом пишущий эти строки знал еще в 1905 году!..»

Все пророчества Вещего Авеля сбылись. И Николай II, конечно же, со всем доверием и вниманием отнесся к его словам касательно собственной судьбы и гибели в 1918 году.

Ведь о его несчастной судьбе пророчили уже многие. Будучи наследником, в 1891 году, во время его путешествия по Дальнему Востоку, в Японии отшельнику монах Теракуто так говорил ему: «..великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства...». И говорил он также, что будет вскоре знак, подтверждающий его пророчество. Через несколько дней, 29 апреля, в Нагасаки, фанатик Тсуда Сацо бросился на наследника российского престола с мечом. Принц Георг, находившийся рядом с наследником, отразил удар бамбуковой тростью, меч нанес скользящую рану по голове. Радость спасения была велика, но слова накрепко врезались в память...

Потом еще и слова монаха Авеля...

А вот и пророчество преподобного Серафима Саровского. 20 июля 1903 года императорская чета прибыла в город Саров на церковные торжества. Елена Михайловна Мотовилова, вдова служки преподобного Серафима Саровского, передала государю запечатанный конверт, который тот просил передать после своей смерти государю российскому. О чем писал в нем святой старец, доподлинно не известно. Но государь по прочтении его был «сокрушен и даже горько плакал». В те же дни отправилась царская чета к блаженной Паше Саровской. По свидетельству очевидцев, она предсказала Николаю и Александре мученическую кончину и трагедию государства российского. Государыня кричала: «Не верю! Не может быть!»

Возможно, в этом знании и есть ключ к пониманию странного поведения последнего российского императора России в последние годы: он знал свое будущее и покорился ему заранее, сознательно шел навстречу своей судьбе...

* * *

Но вернемся к жизни вещего инока. Чужая воля гнала монаха своей дорогой. Всего лишь год прожил он в столичной Александро-Невской лавре, после чего «вечный странник» отправился в Москву, потом на Валаам, потом вновь в Москву.

Свидетелем этого времени является и генерал А. П. Ермолов, будущий герой Бородина и усмиритель мятежного Кавказа. Первая встреча с Авелем произошла у него еще в Костроме, но были и другие. О тех временах он так пишет: «...Проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Однажды за столом у костромского губернатора Лумпа Авель во всеуслышание предсказал день и ночь кончины императрицы Екатерины II.

Причем с такой поразительной, как потом оказалось, точностью, что это было похоже на предсказание пророка. В другой раз Авель объявил, что намерен поговорить с Павлом Петровичем, но был посажен за сию дерзость в крепость... Авель предсказал день и час кончины нового императора Павла I. Все предсказанное Авелем буквально сбылось».

В Москве познакомился Авель с по тем временам известными «грамотеями» Матвеем Мудровым и Петром Страховым.

Заметим, кстати, что Матвей Яковлевич Мудров (1776–1831) был человеком очень набожным. Но в то же время знаменитым врачом своего времени, ординарным профессором патологии и терапии Московского государственного университета. Именно по его проекту при Московском университете в 1820 году были открыты медицинский и клинический институты, директором которых он и был назначен. Пять раз его избирали деканом медицинского факультета. Умер он от холеры, будучи членом центральной комиссии по борьбе с этой страшной болезнью, сам заразившись. На его могильной плите на кладбище в Петербурге написано: «Под

сим камнем погребено тело раба Божия Матвея Яковлевича Мудрова, старшего члена Медицинского Совета центральной холерной комиссии, доктора, профессора и директора Клинического института Московского университета, действительного статского советника и разных орденов кавалера, окончившего земное поприще свое после долговременного служения человечеству на христианском подвиге подавания помощи зараженным холерой в Петербурге и павшего от оной жертвой своего усердия». А прославился он, войдя в историю российской медицины, оригинальным трудом, в котором врач собрал истории болезней всех больных, которых он пользовал в течение 22 лет. Это собрание состояло из 40 томов небольшого формата, куда Матвей Яковлевич заносил по особой системе все научные сведения о больном, о лекарствах, прописанных ему, и пр.

Вторым человеком, с которым стремился познакомиться монах Авель в Москве, был Петр Иванович Страхов (1757–1813). Дворянин, русский физик, профессор и ректор Московского университета (1805–1807), член-корреспондент Петербургской академии наук (1803). Отец его был священником. И, как свидетельствуют хроники, Петр с детства был увлечен религией и русской историей. «Рано высказались в нём дарования, отменная понятливость и способности; на осьмом году возраста своего он уже бойко и внятно читывал церковные книги; вместо родителя своего читал в церкви часы и паремии; рано выучился он писать и помогал отцу своему переписывать разные летописи и подобные тому тетради и с того времени приохотился к отечественной истории и ко всякой русской старине». Позднее он стал автором первого русского учебника по физике. Является изобретателем электрофореза. Он был почётным членом Императорской медико-хирургической академии и многих заграничных учёных обществ, членом Общества истории и древностей российских, Иенского латинского общества, Общества соревнователей врачебных и физических наук.

Вот такие удивительные люди оказались друзьями простого монаха из крестьян Авеля. И кто ответит нынче на вопрос, что заставило его пешком пойти в Москву, чтобы познакомиться именно с этими людьми? О чем они говорили? Что хотел узнать от них сын простого крестьянина?

В Москве же, как свидетельствуют очевидцы, монах Авель проповедует и прорицает за деньги всем желающим.

Вскоре после этого знакомства вернулся Авель в Валаамский монастырь. Здесь по научению «началозлобного» и «мнимоестественного» демона он написал «новую зело претрашную» книгу предсказаний, «подобну первой, еще и важнее». На этот раз книга была посвящена судьбе императора Павла I. И история вновь повторилась.

На этот раз Авель показал свои записи многим, включая настоятеля монастыря, отца Назария. Испугался отец Назарий не на шутку по прочтении этой книги, и, посоветовавшись со старшей братией, отправил беспокойного монаха в Петербургскому митрополиту Амвросию, в чьем ведении находился Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.

Тот же, ознакомившись с новой крамолой, немедленно послал ее в «секретную палату, где совершаются важные секреты и государственные документы», и написал обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Книга от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листом, писанным русскими литерами, а книга писана языком неизвестным». Скорее всего, Авель зашифровал свой текст, памятуя о судьбе своей по высочайшем прочтении первой книги. И пошла книга по инстанциям и неизбежно достигла императора. По документам того времени стало известно, что ознакомившись с пророчествами валаамского инок, усмотрел император в них дерзновенное предсказание собственной скорой и трагической насильственной кончины; указывался также точный срок смерти императора. И пояснялось также, что смерть ему последует в наказание за то, что не выполнил Павел своего монаршего обещания построить церковь и посвятить ее архистратигу Михаилу. И далее говорилось, что прожить

государю осталось столько, сколько букв должно быть в надписи над воротами Михайловского замка, строящегося вместо обещанной церкви.

И тогда Павел I во гневе отдал приказ о немедленном заточении своего недавнего «любезного собеседника» в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

История про церковь была следующая.

Однажды караульному в старом Летнем дворце явился архистратиг Михаил и повелел построить на месте старого дворца новый, посвященный ему, архистратигу. Амель уверял Павла на встрече, что архистратиг Михаил повелел построить не замок, а храм. Павел же, построив Михайловский замок, возвел вместо храма для архангела дворец для себя.

Было также у Павла собственное видение прадеда своего Петра Великого, который в пророческом сне дважды повторил правнуку: «Бедный, бедный Павел!»

В это же время бродит по столице юродивая Ксения Петербургская, и она говорит о смерти Екатерины Великой, и предсказывает трагическую смерть императора. И так говорит, «что срок жизни отпущен Павлу в количестве годов, совпадающем с количеством букв в библейской надписи над воротами». Многие те буквы считать бросились. Оказалось – сорок семь...

Но есть у историков и другая версия. Если в книге текст был зашифрован, то как же смог прочесть его император? И потом, не была ли уже предсказана его трагическая судьба и ужасная грядущая кончина еще при первой встрече императора и пророка? Ведь не зря же горько зарыдала когда-то Анна Петровна Лопухина, любовница имперского монарха...

И дальнейшие события подтверждают, что император придал предсказанию Авеля большое значение: ведь помнил он слова Авеля о кончине своей матушки, которые уже сбылись с поразительной точностью.

Скорее всего, на решение Павла об аресте монаха повлияло то, что Амель своими сочинениями нарушил обет неразглашения тайны своих пророчеств, возможно, данный ему Авелем при их личной встрече...

Тогда же «вещего инока» вновь привезли в Петербург. И вновь произошла встреча с небезызвестным следователем Макаровым...

Навестил монаха и митрополит Амвросий, жаждущий понять этого странного человека и его писания. После встречи он отписывал обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Монах Амель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оно его открытие, им самим написанное, на рассмотрение Ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустынные даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть».

Сам же Амель писал Амвросию из тюремной камеры следующее: «А ныне я имею желание определиться в еврейский род и научить их познанию Христа Бога и всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

Как следует из донесения следователя генерала Макарова, 26 мая 1800 года Амель был «привезен исправно и посажен в каземат в рavelине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь; нрава беспокойного».

Император повелел тогда пристально наблюдать за иноком. И тюремные наблюдатели с монаха глаз не спускали и все его «причуды и враки» подробно отписывали вышестоящему начальству.

И подходил роковой год, названный Вещим Авелем. Время, отмеренное императору Павлу Петровичу, истекало. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года он был убит своими приближенными.

Все предсказания сбылись. «Бедный, бедный Павел» скончался от «апоплексического удара», нанесенного в висок золотой табакеркой. Как говорят, в ночь убийства с крыши со страшным криком сорвалась огромная стая ворон. Говорят, что так происходит каждый год в ночь с 11 на 12 марта.

И потому ходили в народе темные слухи о страшной кончине императора. Но официальная версия сводилась к следующему: император Павел I «скоропостижно скончался от апоплексического удара». На трон вступил его старший сын Александр Павлович.

Авель продолжал находиться в казематах Петропавловской крепости. И провел он там времени ровно десять месяцев и десять дней – столько же, сколько и в Шлиссельбургской крепости.

Новый император Александр I о пророке Авеле и его пророчествах безусловно знал. Отнесся к пророчеству «черноризцу» очень настороженно. Но повелел в 1802 году выпустить монаха, но не на свободу, а выслал из Петербурга «под присмотр» в Соловецкий монастырь, а скоро и выпустил его на волю.

На свободе прожил Авель недолго: всего лишь один год и два месяца. Но за короткое время это на уединенном острове в Белом море старец успел написать свою третью «зело страшную» книгу. В этой книге, написанной на рубеже 1803 года, он предрек события, произошедшие в реальной жизни спустя 10 лет. Тогда уже предрек он, «как будет Москва взята и в который год».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.